

Алишер Навои

СУЖДЕНИЕ О ДВУХ ЯЗЫКАХ

(Мухокаматул-лугатайн)

Филологический трактат

Перевод А. Малеховой

Собирающий колосья на хирмане мужей речи и верный страж сокровищницы драгоценнейших жемчужин слова, сладкопевный соловей цветника поэзии, Алишер, по прозванию Навои, - да хранит его Аллах от наказания и да укроет его от позора, - так вещает: слово - это жемчужина, море, где находится жемчужина, - сердце, а сердце - средоточие всех мыслей, малых и больших. Подобно тому как жемчужина, выловленная ныряльщиком, является на свет из моря, и ее цена определяется по достоинству ее, жемчужина слова извлекается из сердца обладателем дара речи и приобретает ценность и известность по своему достоинству. В достоинстве драгоценности бывает много степеней: от одного дирхема до ста туманов. Кыта:

Если жемчуг покупают для приготовления из него лекарства,

То такой (жемчуг) бывает (мелкий) в тысячи зернах, один мискал которого ценится в один дирхем.

А бывает, что одну жемчужину шах вставляет в ухо:

И достоинство ее - вся страна, плата за нее - все богатство.

Но более беспредельны различия жемчужин слова, а степени этого различия еще бесконечнее. Ибо от их благородства в безжизненное тело входит святой дух, а от их грубости в теле, пышущем жизнью, появляется губительная отравка.

Кыта:

Слово - такое сокровище, что даже

Мужи красноречия бессильны в толковании его достоинств.

Им подлый может совершать убийство,

Им же и Мессия являет чудо.

Разнообразие этих слов находится выше понимания и воображения. Если же, не вдаваясь в преувеличения, придать перу краткость и говорить сокращенно, то, несомненно, их можно разделить на семьдесят две разновидности, которые указывают на семьдесят две народности.

А что касается подробностей этого, то они следующие: сколько стран есть в каждой из семи климатов (т.е. поясов) обитаемой четверти (земли), а сколько городов, селений и поселков в каждой стране, сколько кочевий в каждой степи! И сколько разных племен живет на островах и побережьях каждого моря, в каждой горной долине и на каждой возвышенности! В каждом селении люди говорят по-своему, у них есть свои обороты речи и выражения, которых нет у других. То же можно сказать и о голосах птиц, животных, диких зверей: каждый из них имеет свой голос, все они издают разные звуки. Но поскольку целью речи является смысл, а вышеупомянутые твари созданы ради человека, и в нем (т.е. человеке) проявляется смысл и

(связное) изложение, поэтому речь будет идти о его словах и языке.

Теперь мы подошли к повествованию о словах и объяснению речей: сколько людей в разных городах и селениях, горах и степях, лесах и долинах, о которых было написано и о различии и разнообразии которых было уже изложено, - и они все для выражения мысли произносят (определенные) слова, и по этим словам они понимают смысл.

Из всех языков арабский язык является избранным и исключительным благодаря своей образности и изяществу, и никто из наделенных речью не смог бы предъявить к нему каких-либо притязаний. Слова его верные и указывают истинный путь, ибо слова всеведущего господя, да будет он велик и славен, и их неподражаемый строй снизошли к нам на этом языке. Благословенные хадисы Пророка, да благословит и да приветствует его Аллах, сказаны тоже на этом языке.

Великие святые и высокодостойные шейхи, да освятит Аллах их усыпальницы, высказанные ими поучения и наставления, а также красивые изречения, которые они облачали в одежды написания, - большей частью осуществляли посредством благословенных выражений, благодатных слов и иносказаний.

Аллах! Аллах! Какое зрелище в этом возвышающем дух саду и какая непорочность в нем, успокаивающем сердце! Садовник этого сада говорит такие прекрасные слова: "Мы из туч с шумом пролили дожди и создали из земли семена и растения, леса и сады". А сладкоголосый соловей этого сада прекрасным голосом возвещает пророчество и поет песнопения посланничества; и некоторые птицы достигают высшего совершенства в песнопениях, напевая: "Если откроется завеса, близость не увеличится". А другие птицы из этого сада, проявляя величие и признаки наставления на путь истины, голосами, внушающими истинную веру, слагают напевы, которые наставляют на путь истины.

Пока существует сад этого мира, пусть цветник будет плодоносным.

Пусть соловьи в этом саду поют сладкими голосами.

Кроме арабского, есть еще три языка, основных и богатых. Эти языки украшают речь говорящих на них сокровищем своих выражений, каждый из них имеет много ответвлений.

Происхождение этих основных языков - тюрки, фарси и хинди - восходит к трем сыновьям пророка Ноя, да благословит их Аллах, - Яфету, Симу и Хаму. Подробности этого таковы: Ной, да приветствует его Аллах, спасся из волн потопа и сохранил жизнь, несмотря на опасности. Во всем обитаемом мире не осталось следов человеческого рода и никаких признаков человека. Яфета, которого летописцы называют праотцем тюрков, Ной послал в Китайские владения; а Сима, известного праотца персов, он сделал правителем земель от Ирана до Турана; и Хама, которого называют праотцем индусов, отправил в страны Хиндустана. Эти трое сыновей пророка обосновались в подвластных им странах и дали многочисленное потомство. Сын Ноя Яфет, которого летописцы согласно называют праотцем тюрков, среди своих братьев отличался венцом пророчества и был отмечен рангом посланничества. И эти три языка, каковыми являются тюрки, фарси и хинди, распространились среди троих детей Ноя и их подданных.

...Известно, что тюрки более сообразительны и чрезвычайно понятливы, натура их более благородна, чем у сартов; а сарты по сравнению с тюрками более внимательны к умственному развитию и знаниям и основательнее проявляют себя в высоких и ученых размышлениях; это происходит у тюрков - от искренних, благородных и честных намерений, а у сартов - от знаний, учености и рассудительности.

Однако достоинства и недостатки языков их различны: тюрки более умелы в производстве слов и выражений и в своих речениях превосходят сартов, - если доведет Аллах, об этом будет

упомянуто особо. Может ли быть более ясное и очевидное свидетельство превосходство тюрок над сартами! Эти два племени во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом. И между тем и другим народом наблюдается смешение и общение, а разговор между ними и понимание ими друг друга беспрепятственны. Среди сартов много мужей разума и учености, прозорливых людей знания и разумения. А непосредственных и чистосердечных среди тюркского племени больше, чем у сартов. Все тюрки - дети и старики, слуги и беки - понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться по-сартски, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красочные стихи и замечательные речи.

Но среди сартского народа ни благородные и ученые мужи, ни простые и невежественные люди - никто не понимает языка тюрок и не может говорить на нем. Если из сотни или даже из тысячи сартов один изучит тюркский язык и будет говорить на нем, то каждый тюркок, который услышит его, поймет, что это - сарт. Таким образом, каждый сарт, говоря по-тюркски, разоблачает несовершенство своего языка. Это факт, против которого никто не может возразить, и это наиболее замечательное доказательство того, что тюрки по своей природе более восприимчивы, чем сарты. И если сарты неумелы в тюркской речи, то для этого есть основания, потому что создатели тюркских слов постоянно совершенствовали свою речь и создали слова для выражения частных понятий, которые нельзя понять, если не объяснит их сведущий человек. Вот пример: кувормок, курукшамок, ушармак, жийжаймок, унгдаймок, чекримак, дуйсаймок, умонмок, усанмок, игирмак, эгармак, ухранмак, торикмок, алдамок, аргадамок, ишанмак, игланмак, айланмок, эрикмак, игранмак, овунмок, кистамок, кийнамок, кузгалмок, соврулмок, чайкалмок, девдашимок, кийманмок, кизганмок, инкамак, сийланмок, танламок, кимирдамок, серпмак, сирмамак, ганоргамак, сигрикмок, сигинмок, килимок, ёлинмок, мунгланмок, индамак, тергамак, теврамак, кинггаймок, шигалдамок, синграмок, яшкамок, искармок, кунгранмак, сухранмок, сийпамок, кораламок, сурканмок, куйманмак, ингранмок, тушалмак, мунгаймок, танчикамок, танчиколмок, куруксамак, бушурганмок, бухсамок, киркинмак, сукадамак, бусмок, бурмак, турмак, томшимок, кахамок, сипкормок, чичаркамак, журканмак, уртанмак, сизгурмок, гурпаклашмак, чупрутмок, жиргамок, бичимок, кикзанмок, сингурмак, кундалатмак, кумурмак, бикирмак, кунгурдамак, кинаркамак, кезармак, дуптулмок, чидамок, тузмак, казганмок, кичигламок, гангирмок, ядамок, кадамок, чикан-мок, кундурмак, сундурмак, суклатмок.

Эти сто глаголов суть слова, которые употребляют для обозначения удивительных намерений, и ни для одного из них в сартском языке слов нет, между тем, все они необходимы и человек нуждается в них. Значение многих из них вообще невозможно выразить на языке сартов. И лишь некоторые из них можно объяснить описательно, да и то лишь посредством арабских слов. И в тюркском языке таких слов много. И мы попытаемся это доказать даже на примере нескольких из упомянутых ста слов, дабы противник этого мнения убедился в этом путем сравнения.

Большинство великих поэтов при описании вина проявляет изысканное красноречие. И так заведено, что при изложении правил винопития используют множество слов, впадая в безграничную утонченность. Одно из изысканных выражений такого рода представляет собою слово сипкармок. В тюркской поэзии есть такое двустишие:

Сокиё, тут бодаким, бир лахза узумдин борай,
Шарт буким, хар неча тутсанг лабо - лаб сипкарай.

О виночерпий, подай вина, чтобы мне забыться на миг.

Дай мне вина, и сколько бы ты ни давал его, я буду выпивать его залпом до дна.

Что же касается значения слова сипкарай, то как можно передать его в персидской поэзии? Есть слово томшимок - не пить быстро, с чрезвычайным удовольствием, а пить понемногу, смакуя вкус. В тюркской поэзии удивительный смысл этого слова раскрывает следующее двустишие:

Сокий чу ичиб, манга тутар куш:
Томший - томший ани килай нуш.

Когда виночерпий выпьет, он дает мне двойную норму:
Я буду пить вино смакуя.

О значении слова бухсамок говорит такое тюркское двустишие:

Кажри андухида бухсабмен, била олман нетай,
Май иложимдур купуб дайри фанога азм этай.

Находясь в тоске от разлуки с любимой, я не знаю, что мне делать,
Вино - мое лекарство, возьму да и пойду в кабачок небытия.

Если тюркские беки и мужи благородного происхождения, говорящие по-персидски, захотят на персидском языке передать значение слова бухсамок, - то пусть попробуют это сделать!

В состоянии влюбленности нет занятия более всепоглощающего и неизменного, чем стенания, поэтому когда созидательная сила поэзии обращается к любви, подобное состояние тюрки передают по-разному; йигламсинмок употребляется в таком случае:

Зохид ишкин десаки, килгай фош,
Йигламсинуру кузига келмас ёш.

Если отшельник захочет выразить свою любовь,
То он вроде бы и хочет заплакать, да слезы не идут ему в глаза.

Слова же инграмак и синграмак означают тихо и тайно плакать от горя - между ними почти нет различия. В тюркском языке это подтверждает такое двустишие:

Истасам давр ахлидин ишкингни пинхон айламак,
Кечалар гах инграмактур одатим, гах синграмак.

Если я захочу от мужей времени скрыть свою любовь к тебе,
То по ночам моим занятием будет плач и тайные стенания.

В персидском языке такого слова нет. Как же поэт сможет описать подобное состояние? Сиктамок, что означает плакать чрезмерно, встречается так:

Ул ойки, кула-кула, кироглатти мени,
Йиглатти мени демайки, сиктатти мени.

Та луна, что меня отстранила, смеясь,
Заставила меня не то чтобы плакать, а даже стонать.

Когда плачут громким голосом, навзрыд - это обозначается словом укурмак, это значение раскрывает тюркское двустишие:

Ишим тог узра хар ён ашк селобини сурмакдур,
Фирок ошубидин хар дам булут янглиг укурмакдур.

Мое занятие состоит в том, чтобы, стоя на горе,
Проливать во все стороны потоки слез.

От смятения разлуки рыдать, подобно грому, извергаемому тучей. Поскольку в персидском языке нет слова, которое соответствовало бы слову укурмак, то поэт, говорящий по-персидски, лишен возможности выразить на своем языке удивительный смысл этого слова.

Инчкирмак имеет противоположное значение слову укурмак; инчкирмак означает плакать тихо, скулить. В тюркском языке оно употребляется так:

Чарх зулумидаки, бугзумни кириб йиглармен,
Игирур чарх (киби) инчкириб йинрлармен.

Под гнетом колеса судьбы я плачу, разрывая горло,
И с каждым поворотом его плачу все тише, подобно колесу прялки*.

* В оригинале "судьба" и "прялка" - одно и то же слово.

Употребляя слово хой-хой при глаголе йигламок, сарты становятся друзьями тех, кто говорит по-тюркски; и слово это по происхождению - тюркское. У меня, недостойного, есть такое двустишие:

Навоий, ул гул учуй хой-хой йиглама куп,
Ки ха дегунча не гулбун, не гунча, не гул бор.

О Навои, из-за той розы не рыдай много,
Не успеешь вымолвить и слово, как не останется ни куста, ни бутона, ни розы.

В тюркском языке глаголы кимсанмок (сильно желать, жаждать) и кизганмок (ревновать, завидовать) имеют два удивительных значения, которые показаны в этом двустишии:

Узорингни очарга кимсанурмен,
Вале эл курмагига, кизганурмен.

Я жажду, чтобы ты открыла свое лицо,
Однако я ревную тебя к тем (завидую тем) людям, которые смотрят на тебя.

Поэты, слагающие стихи по-персидски, лишены возможности выразить прекрасную мысль

эту одним каким-либо словом.

Шип, вонзившийся в ногу влюбленного, сарты называют хор. Но тюркским словом чукур называют колючку, боль от которой сильнее, чем от колючки, называемой "хор". В сартском языке такого слова нет. По-тюркски говорят так:

Чукурларким, сенинг йулунгда тевралмиш аёгимга,
Чекиб ул куй гардин сурма тортармен карогимга.

Колючки, которые застряли в моей ноге на пути к тебе,
Я вынул, и с помощью колючки пыль дороги, по которой шел, наложил вместо сурьмы на свои глаза.

Если на пути любви достигается созерцание любимой, наиболее подходящее занятие для влюбленного - смиренно взирать на любимую с печалью и скорбью. Такого слова у них (сартов) нет, и подобных слов тоже нет; а по-тюркски говорят об этом так:

Тукадур конимни хар дам кузларинг бокиб туруб,
Ким неча юзумга боккайсен йирокдин телмуруб.

Каждый миг, когда твои глаза смотрят на меня, льется моя кровь,
И доколе ты будешь лишь издали печально смотреть на меня?

Тюркскому ясанмок - прихорашиваться, принаряжаться, которое употребляется в отношении возлюбленной - в сартском языке соответствуют слова ороста и оройши. Но у сартов нет соответствия слову безанмак, которое передает более сильную степень, чем ясанмок. Слова эти употребляют таким образом:

Эрур бас чу хусну малокат санга,
Ясанмок безанмак не хожат санга?

Поскольку у тебя достаточно красоты и миловидности,
То какая надобность тебе наряжаться и украшаться?

Место между бровями и глазами красавиц называют кабог - веко, в персидском языке нет названий для этой части тела; при описании красавиц в месневи говорят так:

Менгизлари гул-гул, мижалари хор,
Кабоглари кенг-кенг, огизлари тор.

Лица их, как розы, ресницы их - как шипы,
Веки их - широкие, а уста - узкие.

Для выражения слез и рыданий в состоянии влюбленности говорят ох (вздых) и иссиг дам (горячее дыхание). Тюрки сравнивают дыхание с молнией, а стоны - с громом:

Фирокинг ичра улус уртамакка, эй мохим,
Чокин дурур дамиму илдирим дурур охим.

О лунолика, в разлуке с тобой мое дыхание подобно молнии, способной сжечь всю страну,
А стоны мои - подобны грому.

В сартском языке даже таким распространенным и известным вещам, как чокин и илдири, нет названий; по-арабски же это называют - барк и саика.

Описывая красоту любимой, тюрки словом менг называют большую родинку, у сартов же подобного слова нет.

По-тюркски описание ее выглядит следующим образом:

Анингким, ол энгинда менг яратти,
Буйи бирла сочини тенг яратти.

На розовом лице той красавицы бог создал большую родинку,
А волосы ее и рост сделал одинаковой длины.

Если перечислить все те слова, которые есть у тюрков и которых нет в сартском языке, то это займет много времени, потому что таких слов много.

Среди ценителей поэзии и собрания красноречивых известно, что в поэзии очень распространены таджнис и ийхом. И в этих удачных выражениях и благословенных названиях есть больше, чем в персидском языке, слов, способных образовать таджнис, и остроумных сочетаний, из которых можно образовать ийхом; это является причиной красот и украшений, изысканности и художественности стихов. Например, слово от - первое его значение - имя, название, наименование; второе значение - лошадь, конь; третье - повеление, которым понуждают бросить камень или пустить стрелу. Вот как эти слова употреблены в таджнисе:

Чун парию хурдур отинг бегим,
Суръат ичра дев эрур отинг бегим,
Хар хадангиким, улус андин кочар,
Нотавон жоним сари отинг бегим.

Если твое имя - пери и гурия, о моя госпожа,
То конь твой в быстром беге будет как див, о моя госпожа.
Каждую стрелу, от которой все разбегаются,
Ты посылай в мою измученную душу, о моя госпожа.

Эти два бейта представляют собой полный таджнис и называются туюг; таджнис - особенность тюркской поэзии, которая у сартов отсутствует. В моем сочинении об арузе, носящем имя "Весы размеров" ("Мезонул-авзон"), об этом рассказано очень подробно.

Вот еще слово ит, оно тоже имеет три разных значения (собака, убирайся, толкай):

Эй ракиб узни анга тутсанг хам ит,
Бизга рахм айлаб анинг куйидин ит.
Гарчи бор дузахча ишкинг шуъласи,
Бизни уз илгинг била ул сори ит.

О соперник, хотя ты и привержен к ней, как собака,

Сделай милость, убирайся с ее улицы.
Если пламя твоей любви достойно адского пламени,
Толкни меня в него своею рукой.

И слово туш тоже имеет три значения, как слова ён и ёк. Таких слов в тюркском языке очень много.

Есть разновидности слов, которые имеют четыре значения, так, слово бор: первое значение - существование, наличие; второе - повеление идти; третье - груз, ноша; четвертое - плод.

А есть слова и с пятью значениями: например, согин: одно значение - приказание вспомнить; другое - название молочной овцы; бывает так, что этим словом называют опьяненного любовью, или одержимого, или больного.

Несколько значений можно найти и в слове туз. Одно из них - прямой, т.е. подобный стреле или копью. Так называют и место, лишенное растительности, степь; и прямого, справедливого человека. Туз - означает еще повеление настраивать саз, установление согласия между двумя людьми, а также убранство дружеского собрания.

Слово кук тоже употребляется в нескольких значениях, одно из них - небо, другое - созвучие, мелодия, гармония, мотив; этим же словом называют появление зелени, а также самое траву или зелень, оно же обозначает и мозоль.

В тюркском языке таких слов, которые имеют три, четыре и более значений, очень много, в персидском языке их нет.

<...>

Чтобы увеличить выразительные возможности и в особенности облегчить рифмовку, установлено соответствие некоторых букв. Например, существуют соотношение и согласованность между конечными "алиф" и "хо", и какое-либо слово можно рифмовать со словом, имеющим на конце "алиф". Так, слово "аро" можно рифмовать с "саро" и "даро", но эти слова рифмуются также и с "сара" и "дара". Возьмем еще один пример: слово "ядо" можно рифмовать с "садо" и с "бода". Такое соотношение имеют "вав" и "замма"; "эрур" можно рифмовать с "хур", "дур" и с "гурур" и "зарур". Таковы "яй" или "какра", "огир" рифмуют с "богир", "содир" и "кодир", а также со словами "таъхир" и "тагийр". В персидском языке такой возможности нет.

И те, кто создавал подобные слова, имели в виду очень тонкие оттенки и ввели в употребление слова для удивительных мыслей и понятий. Это было показано на некоторых примерах.

Пищу и все, что можно есть, тюрки называют егулук, а сарты слово "хурдани" употребляют и для обозначения того, что пьют, и для обозначения того, что едят.

У сартов и старший брат, и младший, - оба называются "бародар", а тюрки старшего брата называют "ога", а младшего - "ини". Старшую и младшую сестру сарты называют "хохар". Тюрки же старшую называют "эгачи", а младшую - "сингил". Братьев отца тюрки называют "опага", а братьев матери - "тагойи". У сартов подобных слов нет, а употребляют для названия братьев отца и матери они арабские слова - "ам" и "хол". Молочного брата сарты называют по-тюркски - "кукалтош". Названного отца и кормилицу (атка и энага) тоже называют на этом языке.

Известно, что сарты палатку называют словом - "хиргох". Но отдельные ее части они называют по-тюркски: тунгрук, узук, турлук, босрук, чиг, канот, кузанак, увуг, богиш, бусага, эркина и т.п.

Охоту на зверей (ов) и охоту на птиц (куш), каждая из которых является особым делом по обычаям и установлениям султанов, сарты называют одним словом "шикор". Главная добыча

любой охоты - кийик (олень), тюрки самца оленя называют "хуна", а самку - "килчокчи". А еще есть суйкуны, самцов их называют "бугу", а самку - "марал". Иных слов, кроме "оху" и "гавазн", сарты не знают. В трудной и суматошной охоте, каковой является охота на кабана, самец носит название "кобан", самка - "мегажин", а их детенышей называют "чурпа". Сарты все виды свиней называют словом "хук" или "гуроз".

И вот мы дошли до охоты на птиц, в которой известной дичью - птицей (илбосун) является утка. Кстати, сарты слова "илбосун" не ведают. Тюрки самца утки называют "суна", самку - "бурчин". Сарты даже и им названий не нарекли. И самца и самку - обоих они называют "мургоби". Среди ловчих известно много разновидностей уток, например: журка, эрка, суктур, олмабош, чокиркано, темиркано, алдалдага, алапака, богчол и много других, всего семьдесят видов. А сарты все породы уток называют все тем же словом "мургоби". И если им потребуется дать название каждой породе уток, то они называют их по-тюрки.

Породы лошадей у сартов тоже называются по-тюрки: тубочок, аргунок, яка, тоту и т.п. И названия лошадей по возрасту у них тоже тюркские. Только жеребенок по первому году - кулун - имеет свое название "курра". Остальных: той, гуан, дунан, тулан, чирга, ланга - когда хотят дать более точное название, нарекают по-тюрки.

Хотя седло для лошади сарты называют "зин", для других принадлежностей они употребляют тюркские названия: жиболгир, хано, тукум, жазлиг, уларчог, ганжуга, жилбур, кушкун, кантар, туфак, тука. Плетку (хлыст) они называют "тозёна", но "булдурга" и "чубчурга" - говорят по-тюрки.

Жиба, жавшан, куха, колгандурук, корбичи, кежим, оха - все эти военные принадлежности сарты называют по-тюрки. И известные одежды, например: дастор, калпок, наврузий, туппи, ширдог, дакла, ялак, еглиг, терлик, кур - и другие предметы тоже называют по-тюрки.

Для некоторых съедобных частей бараньей туши у сартов есть свои названия, но большинство названий - тюркские: оркан, ошуглуг илик, ён сунгак, кобурга, илик, урта илик, бугузлаг.

Еще некоторые виды пищи сарты называют по-тюрки: каймог, катлама, буламог, курут, улоба, манту, куймог, уркамог. И напитки: кимиз, сузма, бохсум, буза, а также тутмог, умоч, кумоч, толгон - все это сарты называют тюркскими словами. Если заняться такого рода примерами, то их найдется очень много.

Однако перейдем к более важным вещам: в морфологии арабского языка среди пород словоизменений есть порода, называемая "муфоала". Употреблено одно слово, но соучастниками действия, которое обозначается этой породой, являются два лица. Например: муораза - жаловаться взаимно, друг другу; мукобала - сопротивляться взаимно; мушоара - читать друг другу стихи; муколама - рассказывать друг другу ч.-л., и такова вся порода, это очень примечательно. Те, кто говорит по-персидски, хотя и претендуют на изящество и изысканность своего языка, лишены такой возможности. Что же касается тюркских умельцев в искусстве красноречия, то они достигают той же цели, что и арабские мастера красноречия, посредством прибавления к масдару одной лишь буквы "шин". Например: чопишмог - бежать вместе с кем-либо; топишмог - встречаться; кучушмог - обниматься; упушмак - целоваться. И таких слов немало. Тем великим умельцам в искусстве красноречия, которые создали подобные слова, за исполнение такого доброго дела нужно сказать спасибо. Мастерством своим они превзошли сартских мастеров слова.

В арабской морфологии есть глаголы, предполагающие два объекта действия. Они очень распространены и часто употребляются. Тюрки прекрасно усвоили их. Сарты лишены таких возможностей. По-арабски говорят: "Аьтайту Зайдан дирхаман"; (я выдал Зайду дирхем); в этом выражении всего три слова. Как арабы прибавляли к слову букву, так и тюрки прибавляют к

слову одну букву, в результате чего словообразование получается кратким и удобным. Например: югурт - заставлять бегать, килдурт - заставлять делать через кого-то, яшерт - прятать, заставляя скрывать, чикарт - заставляя выпускать.

Известен еще один способ словообразования: в некоторых словах на конце имеются буквы "ч" и "и", так называемые слова на "чи". Такие слова употребляются для обозначения должности, ремесла, профессии. В персидском языке подобных слов нет, сарты пользуются тюркскими словами.

Чин, звание, должность, например: курчи, сувчи, хизоначи, керак-ярогчи, чавгончи, найзачи, шукурчи, юртчи, шилончи, ахтачи и много других слов.

Ремесло, профессия обозначается такими словами: кушчи, борсчи, курукчи, тамгачи, жибачи, йургачи, халвочи, кемачи, куйчи. Еще есть несколько слов их охотничьей терминологии, которых нет в сартском языке: козчи, кувчи, турначи, кийикчи, товушкончик и для которых они используют тюркские названия.

Еще есть один вид оборотов и выражений: посредством предположения о каком-либо действии это действие приписывается какому-либо человеку, - не с полной достоверностью, а с сомнением и неуверенностью, и в этом много изящества. Например: боргудек - как бы намереваясь идти; ёргудек - как бы намереваясь расколоть; келгудек - как бы приходить; билгудек - как бы намереваясь узнать, понять; айткудек - как бы намереваясь сказать; кайткудек - как бы намереваясь вернуться, возвратиться; ургудек - словно намереваясь ударить; сургудек - как бы намереваясь спросить. И таких слов в персидском языке нет.

К концу некоторых слов присоединяют букву "чим", и в глаголе посредством этой буквы выражают быстроту действия, например: тегач (как только коснулся); айтгач (как только сказал); боргоч (едва пошел); ёргоч (едва разрубил); топкоч (как только нашел); соткоч (как только продал). А букву "ре" присоединяют к концу некоторых слов (глаголов) для того, чтобы выразить побуждение к действию, поторапливание, например: билакур (попробуй узнай); килакур (попробуй сделай); кетакур (попробуй уйди); етакур (попробуй подойти). Чтобы показать повышенную степень какого-либо качества или цвета, прибавляют букву "п" или "мим" к первой букве первого слога, и это очень распространено: оп-ок - очень белый; коп-кора - очень черный; кип-кизыл - ярко-красный; сап-сариг - ярко-желтый; юп-юмалок - совсем круглый; яп-ясси - совсем гладкий; оп-очуг - совсем открытый; чуп-чукур - очень глубокий; кум-кук - ярко-синий; ям-яшил - ярко-зеленый; бум-буз - совершенно серый.

Присоединение к некоторым словам буквы "вав" и "лям" обозначает термины, имеющие важное значение как в области военного устройства, так и предметов пиршества султанов: хуровул, каровул, чингдовул, янковул, сузовул, патовул, киптовул, ясовул, баковул, шиговул, дакавул. Прибавляемая к слову буква "лям" свидетельствует о постоянстве какого-либо качества: кахол, ясол, кабол, тункол, севаргол.

В этих словах и выражениях много тонкостей подобного рода, но до нынешнего времени это было скрыто, так как никто не обращал внимания на истинное содержание их. И неумелые, но изощренные в злосычии тюркские юноши, видимо, по легкости занимались сложением стихов на персидском языке. И действительно, если человек проявит доброе разумение и рассудительность, то в этих словах обнаружится столько широты, а в распространении их столько простора, что в них, наверное, легче было бы найти богатство словоречений, красноречия, стихосложения и повествования, и это поистине легче!

Далее, поскольку совершенство тюркского языка подтверждается столькими доказательствами, следовало бы, чтобы появившиеся из среды этого народа даровитые люди приложили бы способности и дарования свои к собственной речи, а не проявляли бы себя в иных языках и не стремились бы к этому делу. А раз уж у них есть способности писать стихи на

обоих языках, им надо было бы больше писать на своем языке, а на каком-либо другом языке - меньше. А уж если бы они питали повышенное пристрастие к этому, то могли бы писать на обоих языках одинаково. Но в действительности этого не бывает. Все даровитые люди тюркского народа слагают стихи на сартском языке и совсем не слагают стихов на тюркском языке, а многие и не могут этого делать; если же и слагают, то не могут читать их перед сведущими тюрками, ибо подобны в данном случае сартам, слагающим стихи по-тюркски; когда они читают свои стихи, то в каждом слове могут быть обнаружены сотни погрешностей и в каждом предложении - сотни несуразностей.

Из всего сказанного становится ясно, что в тюркском языке много изумительных слов и выражений. Однако трудно упорядочить их подобающим образом и сочинять прелестные стихи. Тот, кто приступает к этому, быстро охладевает ввиду трудности этого и склоняется к более легкому делу. Сколько раз бывало так, что они уж было приступали к этому, но природа их была привычна к иному, и отказаться от своей привычки и склониться к другой привычке, которая к тому же является и более трудной, не легко.

Кроме того, разумные люди видят, что даже неспособные склонны к этому делу и занимаются им, поэтому они сами тоже считают ненужным сходить с пути мужей времени и обычая и придерживаются обычая. У начинающих есть такая привычка, если они что-либо создадут, им свойственно любоваться своей сноровкой. Они хотят показать свое произведение людям этого искусства и блеснуть. Поскольку люди этого искусства персоязычны и не владеют тюркской речью, они отвращаются от дела сложения стихов на тюркском языке и склоняются в сторону упомянутых людей этого искусства. А поскольку они склоняются, то потом разными способами становятся подобными им, как это имеет место в настоящее время.

Как бы то там ни было, несмотря на такие превосходства тюркского языка над персидским и на его тонкости и богатства, он не стал общеупотребительным в поэзии и даже почти был заброшен.

А мне, недостойному, еще в отрочестве из сокровищницы уст стали являться драгоценности; те драгоценности еще не оборачивались жемчужной нитью стихов, и жемчужины, добытые в море сокровенных мыслей и нанизанные на нить стихов, только стали появляться у берега уст, извлеченные стараниями вдохновения. И в соответствии с изложенным выше обычаем, я обратился к персидскому языку.

Однако, когда я вступил в возраст разума, в силу того, что всевышний господь наделил меня естественной склонностью к постижению необыкновенного и пониманием тонких и сложных вещей, и когда возникла необходимость поразмыслить о тюркской речи, целый мир явился мне, что был больше восемнадцати тысяч миров. Естеству моему стала ведома целая сфера великолепных красот - такая, что больше девяти сфер небес. Там довелось открыть мне такую сокровищницу достойного и высокого, что жемчужины ее сверкают сильнее бриллиантов звезд. И явился мне цветник, в котором цветы блистали ярче небесных светил. В тайник этот не ступал никто, и он был чист, а россыпи сокровищ его были защищены от прикосновения чужих рук. Но змеи, охраняющие эту сокровищницу, кровожадны, а тернии того цветника - бесчисленны и бессчетны. Мне подумалось, что мужи знания и учености именно из-за этих ядовитых змеиных жал прошли мимо этой сокровищницы, не почерпнув из нее пользы. И мнилось сердцу моему, будто те, кто сплел венки поэзии, боясь вреда, который приносят уколы терниев, прошли мимо, пренебрегая роскошью цветника и не срывая цветов.

Но так как мое усердие на этом пути было высоким, а нрав бесстрашен и безбоязнен, я не смог пройти мимо и не мог насытиться созерцанием цветника. И вокруг этого мира войско моей поэзии совершало набеги по-тюркски. И птица воображения моего вспарила высоко в той небесной выси, а добытчик души моей выбрал из жемчужин той сокровищницы безгранично

ценные перлы и рубины. А сборщик цветов сердца моего взял себе бесчисленное множество благоухающих роз и жасминов из этого цветника. После того, как мне достались эти дары и богатства, щедрые даяния и невиданная добыча, розы их следствия стали открываться людям без меры и числа, и сыпаться невольно на их голову.

Один из них - диван "Чудеса детства" ("Гароибус-сигар"), написанный и украшенный мною в детстве; я облачил его в одежды изумительных слов, хранящих в себе удивительные смыслы, а сердца людей я зажег огнем из этого средоточия чудес.

Еще я создал диван "Редкости юности" ("Наводируш-шабоб"), и он сошел с пера красноречия моего в юные мои годы в собрание примечательностей и в цветник красот; я поверг в смятение мир юности, раскрыв зрелище этих редкостей и отняв у юных сердец покой и безмятежность.

Мною создан диван "Диковины среднего возраста" ("Бадоеул-васат"); в средние годы жизни перо воображения моего вложило высокое художество в красоты этого дивана и содейло волшебное искусство украшения его; и этими диковинами, словно камнем любви, стучал я в двери объятых страстью сердец, я ввергал в тот дом огонь, смятение и смуту.

Создан мною и диван "Полезные советы старости" ("Фавоидул-кибар"). В преклонные годы жизни перо моего воображения создало его на зависть китайской живописи и райским плодам. Посредством него я доставил живительную влагу пользы великим мира сего, а светочу желаний их я дал целительную влагу наставлений.

И когда молва об этих четырех диванах охватила весь обитаемый мир, я приложил пять пальцев руки моей к созиданию пяти частей "Пятерицы" ("Хамса"). Прежде всего раскрылись цветы дара моего в саду "Смятения праведных" ("Хайратул-аброр") - то дух шейха Низами осыпал меня жемчугом из своей "Сокровищницы тайн" ("Махзанул-асрор").

И когда мысль моя обратилась к очаровательной тьме сказания "Фархад и Ширин" ("Фарход ва Ширин"), я зажег мой светильник от огня сказания "Ширин и Хосров" ("Ширин ва Хосров"), созданного дыханием Мир-Хосрова.

А когда я обратил стопы любви в долину образов "Лейли и Меджнун" ("Лайли ва Мажнун"), путь мой усеялся бриллиантами из сокровищницы озарения и усердия.

Когда же я направил взор сердца моего на "Семь планет" ("Сабъаи-Сайёра"), передо мной предстали семь гурий из "Семи красавиц" ("Хафт пайкар") Ашрафа.

Когда строитель души моей заложил основы "Стены Искандера" ("Садди Скандарий"), возгремел барабан помощи и содействия, дошедших до меня из "Книги мудрости" ("Хираднома") высокочтимого Джами.

Получив успокоение от создания "Пятерицы", я направил коня моего воображения в степь летописания деяний султанов; когда я вызвал из мрака черноты письмен "Избранные летописи" ("Зубдатут-таворих"), то их живой водой воскресил исчезнувшие имена султанов.

А когда мое перо приняло привлекательность от изложения благовония "Ветерков любви" ("Насоимул-мухаббат"), мир наполнился прелестью священного духа праведников.

Когда же я сложил мелодию песен "Языка птиц" ("Лисонут-тайр"), то выразил посредством иносказаний истинные тайны провидения и показал это в речах птиц.

И когда я перевел "Жемчужные россыпи" ("Насрул-лоалий"), то украсил драгоценными камнями изящные одежды тонких мыслей "Нанизыванием драгоценных камней" ("Назмул-жавохир").

Сделавшись водолазом в морях "Весов стихотворных размеров" ("Мезонул-авзон"), я испросил прощения за такой путь у Насири Туси.

Еще я писал трактаты и составлял послания о том, о чем персидские краснословы и пехлевийские составители преданий составляли тома и чем украшали листы; если сведущие

судьи устремят справедливый взор и получат наслаждение от старинных персидских и настоящих тюркских забавных историй и изящных рассказов в то время, когда они будут определять достоинства каждого из них, я думаю и надеюсь, что достоинства моей речи не спустятся с высот и что созвездия моих речей не изберут себе иных пристанищ, кроме самых высоких.

Из этих слов недруг да не подумает и противник да не заподозрит, что я в этом описании допускаю преувеличение из-за того, что нрав мой склонен к тюркской речи, и что я проявляю упорство в отрицании персидских слов из-за моего малого знакомства с ними, ибо нет такого человека, который бы глубже и совершеннее меня постиг бы персидскую речь и знал бы лучше меня не только богатство и чистоту, но и изъяны ее; пора весенней свежести цветника моей жизни и время, когда распустились зеленые побеги моего существа - от пятнадцати до сорока лет, когда соловьиная природа сынов человеческих поддается очарованию красоты каждой розы, а мотылек души его способен плениться обаянием каждой свечи, - прекрасное это время! Именно в это время происходит множество удивительных событий, так что появляется необходимость описать чью-либо красоту, нежность, любовь и жеманство. Обычно это отражается в газелях, пишут их или читают.

Среди диванов, предназначенных для чтения, мало тех, которые бы внимательно не читал я, недостойный. Особенно это относится к дивану Мир-Хосрова Дехлеви, наставника и попечителя людей любви и печали; именно он расчистил путь печали, смирения и пламенных чувств в любви, и от светильника его любви луч осветил весь мир.

Предводитель и глава людей истины - Ходжа Хафиз Ширази тоже высказал свои изящнейшие речи и сокровенные слова, которые напоминают дыхание высшей благодати, и носят черты божественного вдохновения.

Нужно назвать и Мавлана Абдуррахмана Джамии - благовестителя людей веры, смиренного служителя всех сынов божьих, его святейшество шейх-ул-ислама, - который был наставником и учителем для меня, недостойного; из его живящих дух утонченных слов и животворных изящных речей каждая газель и каждая записанная мысль были возвышенны и достославны, как божественные откровения и проповеди пророков; и каждое слово в них по ценности своей превосходило чистый жемчуг, а по огненной силе своей было жгучим, - превыше пламенеющего рубина. И ему были дарованы сладость и проникновенность, совершенство и высшая мудрость благословенных творений обоих мужей, упомянутых выше, и это поистине поразительно! Много я миновал, но многое и помню, знаю изысканность касыд и нежность газелей, пленился их изяществом и красотой.

Мир-Хосров в одной из касыд дивана "Море праведников" ("Дарёи-аброр") сказал так: "Если смоятся со страниц мира и уничтожатся со страниц вечности бейты газелей, касыд и месневи из моего дивана, в котором более ста тысяч бейтов, и останется только эта касыда, то и она будет наполнена смыслом так, что у мужей науки будет достаточно доводов, чтобы оценить мои достоинства". Известно такое двустишие из этой касыды:

Шахский барабан пуст, но от его шума голова болит.

А тот, кто довольствуется немногим, - властелин над землей и морем.

На этот стих его святейшество служитель света Джамии дал ответ, закончив сочинение под названием "Глубины тайн" ("Лужжатул-асрор"). Там есть такое двустишие:

Хотя зубцы на айване дворца падишаха и выше дворца Сатурна,

Знай, что от них появляется трещина на стенах крепости веры.

И если то произведение Мир-Хосрова - "Море праведников", то это сочинение Джами - весеннее яблоко, более возвышенное и в полезности своей более благотворное: оно может затмить его тенью своею и усыпать его перлами.

Я, недостойный, по смиренности и бедности своей, старался следовать величию их обоих и нарек свое произведение именем "Подарок размышлений" ("Тухфатул-авкор"). Вот двестише оттуда:

Огненный рубин, который украшает венец падишахов, -
Это раскаленный уголь, от которого созревают в его голове незрелые мысли.

Я высказал много сокровенных слов и выражений, наполненных смыслом, и искуснейшие из мужей науки одобрили их. Если кто-либо сомневается в отношении этого, - это двестише приводится в книге его святейшества служителя света под названием "Весенний сад" ("Бахористан"), которую можно назвать "Весенний сад жизни и живящее пристанище любви", и там говорится, что было бы уместно подвесить к небесному своду сей державный наказ, и если бы подвесили эту благодатную тугру к шее Юпитера, то это было бы достойно восхвалений и проявлений гордости - пусть возьмет эту книгу и, найдя это место, окинет его взором и потом узнает, что мое восхваление этого двестишия скромно.

Творец смыслов Хакани Ширвани, вдохновившись касыдой Мир-Хосрова "Зеркало чистоты" ("Мирьотус-сафо"), создал такое двестише:

Мое сердце - малое дитя, и любовь, как наставник, обучает его красноречию;
Черные дела - урок его, и отчаяние - школа его.

И в ответе его святейшества служителя света есть касыда под названием "Блеск духа" ("Жилоур-рух"), которая начинается так:

Кто учитель? - Любовь. Уединенное безмолвие - ее школа.

Каков бы ни был урок - невежественный или мудрый, мое сердце - малое дитя, разучивающее его.

Я же, недостойный, пленился величию этих творцом слова и создал касыду "Дуновение вечности" ("Насимул-хулд"):

Любовь - учитель, и даже мудрый старец - малолетний ученик ее,
И небосвод - фалак, что вращается для наказания учеников.

На создание этой касыды потрачено много жемчужин смысла из шкатулки разума и сокровищницы жизни.

Я сделал высоко известной касыду "Дух святости" ("Рухул-кудс"), очистив ею дух праведных; начало ее таково:

Как хорошо, что пером судьбы изображены столь различные предметы,
Каждый миг им создаются удивительные картины.

Я донес до непосвященных живую воду касыды "Источник жизни" ("Айнул-хаёт") и оживил

ею мертвые тела невежественных мужей; она начинается так:

Когда стражи ночи опускают черное покрывало,
Они тем самым придают блеск луноликим красавицам.

В касыде "Путь избавления" ("Минхожун-нажот") я определил путь истины и указал невежественным людям прямой путь избавления:

От светильника твоего лица светятся глаза людей,
Ты стала зрачком глаза вселенной потому, что твой взор человечен.

Мое перо начертало касыду "Пища сердец" ("Кутул-кулуб"), на пути истины в обессиленные сердца из этой благодати вливалась сила:

В этом мире, который есть узкий проход на пути к небытию, не останавливайся,
Это путь, по которому проходят и шах, и нищий.

Эти шесть касыд - прославление бога и пророка, хвала, наставление и поучение, изложенные языком мужей праведного пути и истины.

На обычном поэтическом языке я написал четыре касыды, именуемые "Четыре времени года" ("Фасули арбаа"), в которых рассказано об особенностях времен года, каковыми являются жар и холод, влага и сухость; и эти касыды получили распространение в обитаемой четверти земли, подобно этим четырём временам года.

Известно, что красноречивый мастер, великий и достойный Ходжа Калимиддин Салман, искусный наездник на поле касыд, в то время не имеющий равных в искусстве сложения стихов, направил свое перо на составление "искусных касыд" и закончил это в восемнадцатилетнем возрасте. Действительно, он совершил такое деяние, что мужи поэзии удивлялись его глубине и изумлялись его старанию. Прием тарси, который, кроме матла, ни в каком другом бейте не встречается, хотя в производном матла из этой касыды и верен, в одном из слов нарушается:

Сафои сафвати руют бирехт оби бахор,
Хавои чаннати куят бибехт мушки татар.

Чистота твоего непорочного лица пристыдила весну,
Воздух рая улицы твоей рассеял татарский мускус.

Поэты и стихотворцы подражали этому матла, пытались написать ответ, но они терпели неудачу. Вот матла, принадлежащее мне, недостойному:

Чунон вазид ба бустон насими фасли бахор,
К-аз он расид ба ёрон шамими васли нигор.

Весенний ветерок подул в сад
И принес оттуда сладкий запах свидания с любимой.

Если проникательные люди поразмыслят, то они поймут, что это матла обладает

признаками тарси, лишено недостатков, составлено по надлежащим правилам и не должно вызывать возражений.

И я создал одно рубаи, чтобы поддержать и преумножить этот вид поэзии; с тех пор, как Халил бинни Ахмад установил правило писания рубаи, никто не слышал, чтобы рубаи было написано в манере тарси. Вот оно:

Эй руи ту кавкаби чохон орое,
Вэй буи ту ашхаби равон осое.
Бе муи ту, ё раб, чунон фарсое
Гисун ту чун шаби фигон афзое.

О ты, лицо которой является звездой, украшающей мир.
От благоухания аромата, исходящего от тебя, душа обретает спокойствие.
О боже, какое изнурение быть вдали от волос твоих,
Твои черные косы длинны, как ночь бедствий.

А еще я составил диван персидских стихов в подражание Ходже Хафизу, который заслуживает похвалы и одобрения в деле украшения поэзии и употребления изящных слов. И в диване этом число бейтов более шести тысяч, и большая часть из них - подражание стихам сего мужа. Некоторые являются подражанием газелям его святейшества шейха Муслихиддина Саади, святого духом. Другие же - подражание Мир-Хосрову, возбудителю пламени в молельне любви и вызывающему слезы в обители печали. А есть и бейты - в подражание его святейшеству служителю света, солнечному светочу высшего совершенства и носителю всех упомянутых выше достоинств. Этот диван известен людям, и нравы людей судьбы обращены к нему, в нем есть много различных примечательных мест и достойных мыслей. И мне, недостойному, не подобает говорить об этом.

В этом диване много различных видов стихов: там есть кыта и рубаи, тарихи и лугзы и сверх того - еще около пятисот муамма; большая часть этих стихов достигла благословенного взора его святейшества служителя света и удостоилась правки и священной похвалы его святейшества, и это было записано мною на страницы судьбы, и перо мое начертало это на листках ночи и дня.

Во времена юности моей и в пору молодости я держал в памяти свыше пятидесяти тысяч приятнейших стихов и красивейших бейтов тех поэтов, которые в стихах своих были волшебниками и чародеями стихосложения. Я тешил себя удовольствием и наслаждением от чтения их, высказывал мысли о том, какие из них лучше, а какие - хуже. Умом и рассуждением я постигал их скрытые совершенства; и мой нрав уже не направлял себя на постижение недостатков и искусности персидской речи, ибо в той долине не осталось такого места, куда не ступило бы мое быстрое перо.

Вот уже около тридцати или сорока лет, как в Хоросанских владениях, которые по разумению достойнейших мужей представляют собой великий край и крупнейшую страну из всех стран мира, все мужи поэзии этого края записывают приятнейшие слова и примеры красноречия поэтов, достойные почитания, налагая их на страницы книг, представляют их на мой недостойный суд и показывают их мне, недостойному, и просят, чтобы я отделал и улучшил их; и те тонкие замечания, которые бывали высказаны мною, они по справедливости принимали, а если некоторые из них отвергали, то, запомнив их, соглашались с ними потом и считали себя благодарными и довольными.

Часто случалось так, что знатоки и ценители мыслей и тонкостей поэзии, споря о стихах

Анвары и Салмана, не могли убедить друг друга, и тогда просили меня, недостойного, рассудить их и принимали любое вынесенное мною решение, и разногласия тем самым устранялись. Так бывало и с газелями Мир Шахи и Мавлана Катиби, с месневи Шейха Низами и Мир-Хосрова Дехлеви.

Покойный святейший Джами, наставник праведного пути, да будет светлым прибежищем ему могила его, - кроме слов властителя мудрости и чудотворных изречений пророка, в персидском языке не было речений превыше его (т.е. Джами) слов, - многие книги и повествования, газели и касыды, в которых он нанизывал на нить поэзии жемчужины мыслей и благоволил придавать блеск общему виду их из богатств тайной сокровищницы своей, в черновом виде сначала давал мне, недостойному, по благорасположению своему и безграничному доверию. Он говорил: "Прими листы эти и просмотри от начала до конца, и все, что придет на душу тебе, скажи". И какие бы ни пришлось высказывать мне соображения, о чем уже говорилось, он милостиво принимал их. Доказательством этого является то, что более чем в десяти книгах и повествованиях своих он благоволил упоминать мое недостойное имя. Много раз писал он о дарованиях и проницательности моей, касаясь также и других подобных вещей.

Под воздействием этого благосклонного взгляда свыше тридцати лет в небоподобных беседах султана султанов (Хусейн Байкара) и в достойных рая услужениях ему - ему, который был средоточием круга совершеннейших из мужей слова и повествований и источником знаний и достоинств, - речи, говоримые мною, недостойным, высоко ценились и распространялись, им воздавалось великое уважение, им предоставлялась свобода и благосклонность.

Обладатель божьего благоволения, источник сияния безграничной истины, султан султанов, благословенное сердце коего - море бесценных знаний, а прекрасная душа слита с подданными его, лежащими пред ним во прахе, когда в высоких соборищах заходила речь о наименованиях и правилах, употребляемых среди этого круга людей, большей частью обращался ко мне, недостойному, и если обсуждалось что-либо из плодов дарования мужей красноречия и прекраснословия, высшим авторитетом признавал меня, смиренного. И славу праха моего так вознес к небесам, а частицы его возвысил до самого солнца, и из его дарований, по богатству своему схожих с солнцем, изошел "Трактат", который был изображен его собственным каламом, рассыпающем перлы; и в нем прославил своего давнего слугу во всех видах стихосложения и нарек мне прозвище "обладатель счастливого сочетания звезд" и назвал меня бесподобным и избранным; а известно, что его достойные рая дарования были мерой всех трудностей времени, и благословенное разумение его обладало даром проникать во все тонкости вселенной и владело тайнами ее. А я, влачащийся во прахе раб, хотя и был ничтожнее праха, но при содействии солнца того взрастил пестропышные цветы; и хотя я, недостойный, и был меньше мельчайших частиц мира, рассыпал разноцветные перлы мощью облака того, а мои бейты, обжигающие сердца, поселили смуту и смятение среди взыскующих их, и газели мои, одаряющие своим сверканием пиры, повергали пирующих в стоны и крики изнеможения. Одним словом, известность, дарованная мне, недостойному, столь сильными доказательствами и великими свидетельствами, и искусность моя утвердились и засверкали в персидской и тюркской поэзии. И если бы я предпочел ту или иную, то, верно, людям, причастным к ним, не осталось бы ничего иного, как согласиться со мной и высказать мне одобрение. Все это свидетельствуется достоверно и доказывается непреложно, и бессильны слова, ибо каждая буква в них способна вызвать крики изумления и повергнуть в смятение.

Пока держава находилась под властью арабских халифов и султанов - в те времена небо воссияло для пишущих светочем арабского языка, и тогда появились такие властители слова и повелители речи, сведущие в красноречии мыслей, как Хассон Сабит и Лакиз, они прославили поэзию на своем языке. Следует упомянуть и то, что арабские султаны - Ибрагим Махди и

Мамун Халифа, а также их потомки слагали касыды из блестящих стихов, послужив с пользой этому делу.

Поскольку в некоторых краях и странах державы сартские султаны были самостоятельными - именно поэтому появились поэты, творившие по-персидски. Таковы Хакани, Анвари, Камал Исмаил, Захир и Салман, создававшие касыды; прославившееся в жанре месневи - наставник наук Фирдоуси, и избранник времен Шейх Низами, и индийский чародей Мир-Хосров; творившие газели - провидец времен Шейх Муслихиддин Саади, неповторимый в веках Ходжа Хафиз Ширази; выше приводилось уже восхваление их и было приложено перо к описанию их. Нет надобности продолжать слова эти. И люди разумения полагают излишним направлять перо свое на это. В связи с этим нужно сказать, что из сартских султанов такие высокодостойные падишахи, как Тогру и шах Шиджа, и их высокодостойные и звездоподобные сподвижники слагали цветистые бейты и сладостные газели, были прославлены в свое время и записаны на листках судьбы.

А когда держава перешла от арабских и сартских султанов к тюркским ханам, то после эпохи Хулагу-хана - от времени несравненного султана Тимура Корагана и вплоть до правления царственного сына его Шахруха - стали появляться поэты, писавшие на тюркском языке. А от потомков и сыновей этого благословенного произошли высокодаровитые султаны: поэты Саккаки, Якыни, Хайдар Хорезми, Атаи, Муками, Амири, Гадаи и другие. Однако не было среди них людей, которые могли бы быть поставлены в ряд с упомянутыми персидскими поэтами, разве что один Мавлана Лутфи. У него есть несколько бейтов, кои могли бы быть прочитаны и в присутствии мужей высокого дара. Среди них такое, например, матла:

Тот, от чьей красоты люди становятся безумными,
Сделал тебя зеркалом, чтобы отразиться в нем.

Султаны же, сколько ни было их, никаких произведений не создали, и не сохранилось ничего, что достойно было бы начертания на листках времени. Никому иному, кроме султана Бабура, нельзя приписать следующее двустишие, которое есть произведение его высокого дара:

Сколько ни вижу я лицо твое, всякий раз пребываю в изумлении,
О боже, я буду жертвой твоей.

А в нынешние времена державой правит венчающий собой престол султанов рода сего, избранный и достойнейший венца власти, шахоподобная жемчужина моря мудрости, наиценнейший перл рудника справедливости, воспетый в дестанах Рустам, снискавший славу на ристалище войсковождения, Сами Наримани, прославленный на ратном поле повеления войском, перл, украшающий венец высшего совершенства, благословенная звезда пиршественного небосвода, Искандер, владеющий чашею Джемшида в пиру завоеваний мира, солнце, оберегающее вселенную в сонме повелителей мира, затмевающая небо вершина горного мира, сыплющее жемчуг облако небосвода справедливости, всевидящий зрак ока благодати и совершенства, сладкоголосый соловей садов сладкоречия и благосказания, - султан сынов султановых, хакан сынов хакановых, слава султаната вселенной и веры Абул-Гази Султан Хусайн Бахадыр-хан, да охранит всевышний Аллах державу его и власть его, да увеличит он в мирах добродетель и благодостойность его.

С тех пор, как небо совершает обращение над горизонтом,
Еженощно на лугу этом расцветают розы звезд,

Они не видели шаха, подобного ему,
И нет природы, подобной его природе.

Да будет вечен он, пока вращается небосвод,
Да будет уготовано место ему на ковре счастья,
Да обратятся на него речь и слово живящее,
Да не прейдут над ним речения стихотворные.

Он утвердился на престоле правления мира и обрел покой на троне повеления вселенной, он нанизал на нить владений своих жемчужины мироублагодетельства, он посеял на ниве вселенной зерна согласия. Так как умиротворенное сердце его было перлом в руднике мыслей, а твердый разум его - средоточием обилия достославного, возвысил и наделил радостью мужей слова, придал блеск и совершенство сонму речи творящих. И они содейали в каждой ветви знания высокополезные сочинения, а в каждой науке - необходимые свершения, и так появились удивительные мудрые писания и распространились удивительные диваны, газели, касыды, месневи. А по его почтеннейшему дарованию и утонченному прозрению, хотя и обладал он даром сказывать по-персидски и искусен был также в тюркских речениях, но в силу главного устремления его дара и по побуждению широты словесного искусства его возымел он склонность к созиданию тюркского дивана и свершил устройство таких сердцепронзающих бейтов и невиданных газелей, что Меркурий - владетель пера твердыни небесной и писец ее, благоустроитель и предначертатель порядка обители горней, не видывал подобного цветника, столь украшенного розами и соцветиями утонченностей, и сокровищницы, столь расцвеченной драгоценными камнями мыслей. Диван же, сверкающий в розоподобных одеждах тончайших смыслов и открывающий лик свой в изящнейших одеяниях, достойных изумления лунных ликом, - то не диван, а океан. И каждая газель в нем - это корабль, наполненный драгоценностями; ее даже нельзя назвать кораблем, это сокровищница, и каждый бейт в ней - словно дом, в котором сто тайников с сокровищами мыслей; дыхание читающих пламенные бейты ее - это самум бедствия, зажигающий сердца людей; и бывает истерзана печень тех, кто опечален скорбными звуками повергающих в печаль слов их (бейтов), произносимых создателями; выражения их повергают в скорбь радостные сердца, а жар их наполняет огнем остывшие, словно лед, души; в расположении букв их заключено волшебство, а в сопряжении смыслов содержится колдовство. Начертанное столь высоким обычаем описание дивана этого, писанного по-тюркски и упомянутого нами, - не удивительно, ибо со времен благороднейшего из султанов - Дария и даже от дней священных поэтов сладкоустых, словно Мессия, не было и не появлялось ничего похожего. И вот явился он и получил бытие, и изобилие живящей влаги его прошло через родник солнца, и обделенные обрели воздаяние от золота духа его, а жаждущие уста утолили пыл свой влагой его.

И вот благодетельный разум султана султанов и солнцевмещающее сердце его склонились к тому, чтобы стихотворцы тюркские занялись сложением стихов на собственном наречии, и бутоны сердец их раскрылись бы, словно розы, пышно расцветая лепестками от дуновения весеннего ветра. И по благорасположению и попечению его содейался наказ создавать стихи и находить смыслы в них, и было дано изъявление предначертаний для устройства слов и назидание для изречения их.

Даровитые беки и принцы тюркского народа, мужи разума и светлого дара, не могли преуспеть в этом занятии и воспроизвести скорые плоды этого в достаточной степени, что давало бы надежду на их успех в красноречии или хотя приблизило бы надежду эту к их судьбе.

И поистине странно, что преданы были забвению установления смирения и покорности

милостивой воле и одобрению такого падишаха - ревнителя и покровителя слова и речи; многие, а может быть, и все обратились к языку персидскому и были расположены к сложению стихов на упомянутом языке.

Это не могло быть иным оттого, что, как упомянуто было выше, при описании тюркского языка, имеется большая трудность в том, чтобы увязывать любезным сердцу образом обилие речений его и пространность выражений, достойное удивления богатство мыслей и блистательные обороты его; и безмерны затруднения в достойном устройении речей его; и казалось нужным при изъяснении качеств тюркского языка изложить на нескольких листах красоты его и выразить в них благостные достоинства великого султана султанов и проницательность разумения его, а также привести несколько нескромных слов о диване, коему дали устройство высокородные помыслы его; их величество по совершенству мудрости своей, по неизъяснимой осведомленности своей и мощи ума соблаговолили дать свои безграничные поучения и вразумления мужам знаний и обладателям соответствующего дара, но они то ли не уразумели проницательных слов его величества, либо же, поняв их, не действовали предуказанным им порядком, либо же не могли так действовать.

А я, недостойный, распростертый во прахе, сохранял в себе благоговение к священной особе его величества и, проявляя покорность и смирение перед повелевающими волеизъявлениями его - сколько хватало сил в сердце и языке моем и насколько уразумели перо мое и рука моя, - сохранял рабскую преданность его величеству и испытывал счастье от этой доли моей и благоговение перед ней, и дано мне было обратиться к стезе ученичества и приготовить себя к служению почетному, гордому и высокому. И с годами я проник в суть языка тюркского, в правила и основы стихосложения его, кои были неведомы мне дотоле, и превозмог затруднения мои на стезе преданнейшего разрешения трудностей, и я обрел великие преимущества и узрел высшие совершенства. И по назиданию и по вскармлению их величества, по предназначению их и по могучему содействию труды мои возымели успех, и те сочинения, что появились на свет от преуспеваний чистейших достоинств их величества, явили собой начертания их высокопросвещенного пера, и нет надобности поминать снова, сколь высокими званиями наделили меня милостивые речи их, ибо имена эти я приводил выше.

Мне, рабу недостойному, послано было великое благо, и проявилась суть господя, всехвалимого и всевышнего, рекома я именем его "Повелитель речей" (Ал-мутакаллим), и в речах людских я пользовался почтением и уважением близких и равных, я прославился и удостоился великого имени, и причиной тому заботы и попечения его величества; и только так могли появиться и утвердиться упомянутые выше диваны и месневи и другие книги и сочинения разумные, что, пока существует мир, никому не суждено содеять столько же и создать такое же.

И хотя все это я присовокупил к свястному имени его величества и к светлейшему именованию его я, стремясь возблагодарить другие его милости, во славу "Повелителя речей" составил и написал подлежащее сочинение об истинных достоинствах тюркского и сартского языков. И я нарек имя ему - "Суждение о двух языках" ("Мухокаматул-лугатайн") и раскрыл чистоту и утонченность, красноречивость и необъятность языка тюркского народа, и их величество разостлали ковер стихов языка этого и выражений его и указали людям всего мира путь воскрешения от дыхания Мессии и живительной влаги Хызра. И мнится мне, что утвердил я для знатоков речи страны тюрков великое право ведать высокую истину их речей и содержащихся в оных выражений и достоинства собственного языка их и слов его, и они избавились от порицающего их за несовершенство речи высокомерия говорящих по-персидски.

И в награду за горести и трудности мои путь познают они те потаенные знания, которые открыл я, и есть надежда у меня, что помянут доброй молитвой меня, недостойного, и тем

возрадуют дух мой.

Сочинение написал сие мой калам,
Ведай, что время создания его - месяц джумади ул-аввал,
Название дня - чаршамба,
И пять лет перешло за девятьсот.